

Евгений Горный

ОБРАЗ МИРА

Книга стихов

1981 - 1994 гг.

Нью-Йорк

2010

Содержание

Лигейя	5
Shanson sans amour	10
Психологический натюрморт	13
Набор слов	16
Переход границы	34
Пленэр	41
Детские воспоминания Пети П.	46
Театр и песок	49
Holocaust	55
Полуфабрикат	65
Гомункулус и кукла	78

Лигейя

1

Лигейя. Я и дымный полдень.
Моря гладит гладь свет.
И чьи-то кости под дождем
Зовут своего Овидия.
Больше никто не нужен.
Буду вечно смотреть на тебя.
Ты не истина и не тайна.
Ты - Вселенная со всеми мирами.
Война или мир,
Свет или тьма -
Таких вопросов для
Меня
Нет:
Желтое и фиолетовое,
Белые квадраты стены,
Тени мечутся
И черные фигуры искажаются
В свете софитов.
Ты Лигейя. Плоскость стала пространством.
У сумасшедшего Босха разорван глаз,
И в зрачке живет смерть.
Эшером вывернут мир наизнанку,

И черные скорпионы ползают по лицу.
Если я придумал не только
Это движение кисти и этот вечер,
Но и тебя, все равно
Это ничего не меняет.
Ибо серый Новосибирск
И цветущие джунгли Индокитая,
Твоя ни на что не похожая улыбка
И провалившийся глаз 22-го декабря,
Скорчившийся на кровати мальчик,
40-я симфония Моцарта,
Огромный американский закат во всю стену,
Чашка чая и кто-то смотрит в сторону,
Потные носки на хрестоматии по римской литературе
И классическая
композиция кадра -
Это всего лишь было. Теперь
Этого нет. Прошлое
Ушло, настоящее - математическая прямая -
Нулевая грань между тем,
Что кончилось, и тем,
Что еще не начиналось.
Ограбить ювелирный магазин,
Лечь спать,
Учить греческие парадигмы
Или съесть три стандарта таблеток,
Которые навсегда успокоят
Бьющееся сердце и головную боль -

Выбор равноценен.
Костлявая лошадь, кусок мостовой,
Выхваченный прожектором из черного
дождя, гулкие шаги и чье-то дыхание,
Голоса - что-то о событиях в Польше,
Толпы людей в ТЦ,
Дома - "История КПСС" и Шнитке,
Несколько бутылок пива, черепа на стене,
Пьянствуют за стеной, позвоночник
Мысли гнется с трудом, вскипает
Солярис бредовых видений, багровые склеры
Закрываются дверьми фиолетовых век,
Болит тело и взгляд, подушка медленно
Разгорается и -
Назад,
По тормозам! Дай бог,
Проскочим и этот день!
И вот уже выпит чай с халвой,
Можно лечь спать, с утра
Немного позаниматься йогой,
Потом - в Универ faire mes etudes.
И как будто заело пластинку с лютневой музыкой
Снова поскользнуться по дороге.

Мне приснилось, что ты умерла
Я проснулся с раздавленным сердцем
Улицы были пусты как огонь
Сердцебиенья тоннель словно голос
Падала ночь сквозь жестокий снег
Бледность на черной кушетке простерта
Рука - листопад. Скажи, почему
Тени деревьев в ночи бесконечны?

... И ты поймешь, что это не то,
что называют любовью.

Это - краткая остановка
на автозаправочной станции,
отражение скул в черноте стекла
(вместо глаз - глубокие ямы)
это - улыбка на вечную память,
чемодан, в который нечего положить.

Словно выходишь из дому утром,
растворяясь в рассвете и счастье,
и кажется удивительным чудом
способность дышать и видеть;
словно бродишь по улицам ночью
в снегопадном глубоком молчании,
наполняясь молчаньем и счастьем,
запрокинув голову вверх.

Это - жизнь перед самоубийством.
Слово, в которое нечего положить.

1981

Chanson sans amour

I

Сквозь полночь, толщу причитаний
лучи косые солнечной фортуны
приходят к нам на комариных
ногах, неся оргазмы милым,
рефлексию, печаль и клетки
для наших подоконных воробьев.

II

О спины цвета розы, эти
чащобы порождающего тела,
как сакс искристый вы непостижимы!
В вас водятся кикиморы и змеи,
мохнатое и бежевое эхо,
но нас манят болотные огни.

III

Пора проснуться не настала -
должны мы есть, играть и гнутья
(немыслящий тростник есть только палка),
искать окурки в шляпе и карманах,

и взмыв над городом Икаром,
смотреть в свои закрытые глаза.

IV

И размышлять во сне о смерти,
об откровеньи в сновиденьи
(кровавый дождь в стакане ночи),
о белизне кита и прочем,
у моря спать, ловя рефлексы
спиною белой, как радар.

V

Взлетая, падаешь, конечно,
на землю, вольты или спину;
звучит орган и варят пиво,
и дерево, смеясь, трепещет,
и в черных улицах дерутся,
но только непонятно почему.

VI

Мир тупо лупится на совесть,
уставшую плясать под неза-дудку
икон, завхозов, уст и партий
в мятежной гари паровозов,
которых нет, они на свалке,
и школьники едят металлолом.

VII

Посмотришь в зеркало - подругу
там не увидишь, хоть разбейся:
товарные вагоны плавно -
груженные мукою и цементом -
с курлыкканьем поднявшись к чуду-югу,
собой закрыли круглый горизонт.

VIII

Свинцово небо как подмышка,
хоть нынче лучше, чем намедни,
ночные чаши облегчений
нам не наполнить откровеньем,
и мы малиновым вареньем
прозрачный красим кипяток.

1984

Психологический натюрморт

Н.М. Коряк - от благодарного ученика

Иконный свет небес через оконный холод
проходит без труда. Щека теплеет. Голод
опутывает ум, где как под Новый год
неспешно снег идет, и водят хоровод
казенные уроды, моды громких слов
нам демонстрируя. И замутненность снов
прорвав, раздвинув шторы ночи, выходит вдруг
на круг и в центр встает мой ненавистный друг,
возлюбленный мой враг - мое второе Я, -
в дурацком колпаке, с подарками в чулке,
с пузырчатым вином в хрустальном колпаке;
он открывает рот и говорит, смеясь:
Приветствую, мой князь. Хоть ты - увы - не здесь,
а там, и бьет там-там в кирпичной голове,
и смотрят за стекло прозрачные зрачки,
и мысль мутным-мутна, как зоркие очки,
когда в тепло лицо с мороза ты вносил
и веки опускал, как будто свет гасил,
и в этой темноте себя не находил,
в подводном мире жил под черною звездой,
вворачивая мысль в свой череп костяной
о том, что воли нет, что есть лишь то, что есть,

что мрачен горизонт и ночь - благая весть;
ты помнишь это все - как ширились круги,
как хрупко бились рты в осколки тошноты,
теперь же здесь, со мной, среди своих мозгов,-
извилин бытия, уродцев прошлых снов,-
ты молча говоришь со мной, то бишь с собой,
запутавшись в сетях минут и дней; покой
морского дна уже не кажется судьбой,
хотя еще с трудом ты двигаешь рукой,
и вертишь головой, и открываешь рот,-
лишь пузыри летят к холодной грани вод,-
ты вырвался из сна мохнатых стариков,
по лестницам косым плетущихся, и вот
ты здесь, со мной, всегда, здесь жить и умирать,
чертить на дне слова, со дна на дно всплывать,
и знать, и понимать, и вглубь вещей вникать,
поступки совершать, дышать, смотреть, бежать,
и ногу опускать на ледяющий пол,
идти в сортир, достать свой мужественный пол,
поссать, потом смотреть на зеркало, глаза,
как зеркало воды, морщина, видя за
их вялой синевой тревогу и невроз;
ты весь застыл, в ночи подъездной жилки слез
на матовом лице рельефны, но твой мозг
в спокойствии пребудет, запах черных роз
слегка ноздрей коснется, девочка же та
из виду пропадет, и будет тошнота
густеть, по лестнице, пропорканной до дыр

ты будешь восходить, из-за дверей квартир
титиканье часов, обрывки голосов,
журчание воды, сдвигаемый засов,
надсадный скрип пружин, железный лом на дне,
и крики детские в зелено-взрослом сне
услышишь; вот ты пьешь шершавый воздух из-
под крана, страх растет, стекает вниз
рябая ночь в оскале сосен, ты один,
глядишь в стекло окна, бессильный властелин
судьбы своей, а в небе тихо гаснут звезды...

11 марта 1985

Набор слов

*...это - безводные облака, носимые ветром; осенние
сверепые морские волны, пенящиеся сфамотами своими;
звезды блуждающие, которым блюдетя мрак тьмы на веки.*

(Иуды, 12-13)

1

молчание - это нью-йорк

молчание - это гангрена

молчание - это крик

ватная олигоменоррея

это не является экспериментом

потому что уже ничего не изменишь

ничего не изменишь

ничего не изменишь

много есть предложений

но ни одно не возможно формально

несколько цифр на память

но зачем вам чужая память

ни к чему

ни за чем

ни о чем

у меня на колене вырос маленький прыщик
маленький домик
маленький мальчик

я вырос и стал как мерседес бенц
в исполнении дженис джоплин

расчертите меня на клетки

заключенный в себе
я смотрю как меняется небо
как искажаются силуэты
как черная роза вечера
прорастает из мозга времени
с трупными пятнами памяти

крестовые сестры сквозь прутья клетки
смотрят как падает с неба кровь
как на горизонте плачут деревья
охваченные огнем

из леса рождается страх
страх порождает грех
вырубив чашу и лес
ты станешь свободен бхикшу

высохли капли нежности

все больше и больше беременных крошек
закат как раздавленная сороконожка
тавтология неизбежности

что же прощай

возвращайся в свое ожидание
к лингвистике длинных волос
к запаху своего тела
к кафельному ребенку
к оранжевым стенам в раме окна
и снегопадному унитазу посреди дешифрованной кухни

я остаюсь при своих козырях
убивающих радость лыжных прогулок
и разномастных дам
возникающих как узоры на окнах
на чувствительности сетчатки

волей-неволей клетку на плечи
сердце на ноготь
умри поутру
высочи клетку
вырви сетчатку
горло твоё как распахнутый гроб
как аллигатор как ёлки-палки
как накомарник
английский намордник

рыжий подглазник
скакун на табачном киоске
сабвей

вы взмываете вниз к небесам в простынях

имена не играют роли
роли играют артистов
рядом со мной сидит очаровательная девушка
я возбуждаюсь
но я её не хочу
сейчас я немного спокоен
как удар молотком по лицу

это образчик трансформации
небольшой лингвистический эксперимент

я сегодня дышал целый день
мой желудок похож на меня
тень моя вне меня
в пламени плавится тень
я открываю рот
чтоб было удобней молчать

смех заполняет мои коридоры

в час этот лисы выходят из нор
в полдень садится солнце
всё повторяется

ты

2

настала осень
и все стали умирать
падали
листья
жёлтые красные синие чёрные
тихо
кружились
им так не хотелось падать
на рыхлые трупы мёртвых
и потому
они тихо кружились
тихо кружились
над трупами

3

по белому снегу оранжевые апельсины
я убью тебя
рассыпавшись будут катиться

будет садиться громадное солнце
ветра в тот вечер не будет
поэтому я убью тебя

я пойду по песку по воде по пеплу
наступая на угли солнца

на углах представители власти
встанут завёрнутые в одеяла
будут мочиться на углы
одетые в белые майки
говорить о футболе и рейгане
и жанровых формах сказа
я пройду мимо них
одетый в газеты и пьяный
лелея надежду и горе
которым не воплотиться
ни в чем исключая убийство

евгений горный
двадцати восьми лет
год рождения неизвестен
идет через кукольный город
исполняя французскую песню
о городе и убийстве
о том что он жаждет мочиться
на каждом углу двадцать восемь минут
празднуя свой день рожденья
терпенье его истощилось
он себе представляется куклой
одетой в колпак и газеты
играющей в разные игры
смысл их ему недоступен

он делает вид что вращается в сферах
ему недоступных и чуждых
слова произносит сидит на диване
или бегает вместе со всеми
иногда получает любовь или мяч
но увы он не знает что с ними делать
ему неизвестны правила
которые всем понятны
он чувствует сбои ритма
и потому произносит слова
или закуривает сигарету
или сбегает от мамы и папы
запирается в туалете и плачет

он не знает за что зацепиться

опять наступает осень
листья не знают за что зацепиться
убийство бессмысленно

я буду смеяться вместе со всеми
и по утрам кушать манную кашу
убийство бессмысленно

поэтому я убью тебя

4

отсутствие мотивировок
вот что сплачивает и объединяет
красный цвет имеет странную форму
заключённый в себе
он даёт нам намёк на разгадку
объём и пространство
вызывают неистовый ужас
вялый и потный
индифферентный к сиянию
и посторонним звукам

ведь приходится подниматься
и идти сквозь тени
обжигающие тело
будни

5

переплетения дыма
и тусклая лампа
потеря предвечности
и вечной женственности
все это содержит
гладь океана
если смотреть на неё изнутри
игра бесконечна в пределах себя

если не видеть солнца
сегодня я
перекрёсток
тусклая лампа
с больными легкими

б

я машина любви
я мошенник в любви
я люблю на снегу
я люблю на бегу
я люблю в бесплодной пустыне
они не поймут
мы с тобой на картине
мы с тобою машины
я люблю тебя
мы несёмся в машине
я убью тебя
звёзды умрут
руки замрут
на апельсине
любовь и насилие
всё что мне нужно
кожа твоя
как ненормальность
прекрасна

7

у неё больные глаза
у него больное воображение
они вместе считают капли
крестообразной крови

молчащая тишина немоты
облекает талое тело
ни голое ни обнажённое
просто чисто телесное

у неё больные глаза
у него больное воображение
ни голое ни обнажённое
распятое на кресте

8

бесчисленность наносекунд
секущих дождей
огней

безжалостность нанодождей
секундных огней
людей

легче задернуть шторы
чтобы не видеть снег
легче задернуть шторы

9

я умирал на исписанной крышке парты
в то время как лектор рассказывал о тавтологии
иллюстрируя свои положения
цитатами из газет и толстого
стучало в висках
за окном ничего не случалось
и было довольно странно
слышать это как раз сегодня
сейчас
когда всё
замкнулось на плеоназмах
и тавтологиях

10

падают редко серые хлопья
словно кусочки серого неба
словно сжигают рукопись бога
словно сжигают бога

11

настоящее наше непрерывно становится чуждым
прошлым настоящее поглощают время и память

делая его прошлым ты не имеешь прошлого ибо
время убийца памяти заключающей настоящее

подвергая его трансформации наше бывшее
настоящее скрыто в теперешнем настоящем

и я непрерывно теряю настоящее прошлое
память есть образ смерти ведь помнить

значит чувствовать время процесс
умирания помнить только о ложном

знать что биенье бессонного сердца
овеществленный пульс смерти толкает

нас все ближе и ближе к той непрерывной
бездне дна которой ты никогда не достигнешь

12

небо вырванное с корнями
из сердца похоже на руки
влюбленной до смертной муки
взывающей к тени но сами
руки всего лишь звуки
тени с сухими глазами
глядящими только в небо

на снеговых зарешётчатых конях
в поле с тобой мы красotka поедем
спину мою согревай-ка покрепче
близко желанная вольная воля

скоро о скоро сорву с тебя живо
платье твоё в чёрно-белых разливах
брошу на снег твоё нежное тело
кожу твою изорву и изрежу

ну а потом на весёлой гулянке
шибко плясать и хвалиться я буду
что панна Юля меня полюбила
свадьбу назначила на воскресенье

перемещаясь по лестнице вне пространства
сквозь огонь пустоты ледяные поля
через автоматные очереди вне и внутри меня
круша совершенство тетраэдра и цилиндра
в этом бессонном дышащем море
где всякая жизнь лишь форма нуля
потоки букв и ничьих эмоций
пронзают меня насквозь

15

невозможность извлечь информацию
не подвергнув язык
не подвергнув гортань
трансформации
нас приводит к дегуманизации
к росту уровня семантизации
и отсутствию коммуникации
между мной и тобой
я один
пребывая в единстве тебя
я один
проходя через множество тел
через множество душ и причин
вне любви
вне тебя
вне себя
я распадаюсь на атомы кармы

16

он стоит на углу похоронного звона
глядя на пламя немого заката
он охранитель небесного дома
любивший всегда стюардессу с плаката

теперь он дрожит на плакатном закате
капают капли огня и металла

и над домами висит на канате
ангел постели креста люминала

он стоит на углу похоронного звона
в шарф подбородок и руки в карманы
не знает хранитель небесного дома
что стюардесса уехала в канны

17

чем дальше в речь тем больше слов
тяжёлых светлых снов
течёт река
горит вода
и пьются рыбак на поплавок

чем ярче день тем лучше тень
тем больше плоских рыб
и птица влёт
и рак вперёд
то ли на запад не то на восток

медленно продвигаются по песку
оставляя следы

зачем

объём комнаты заполнен пространством
на стенах комнаты композиции
иллюзии цветного объёма
многоэтажные стены
в раме окна

а на кроватях
в двух разных углах
незаполненного светом пространства
два разделённых пространством тела
укрытых от реальности одеялами сна

то что их разделяет словно стена
подобно бесконечности математического пространства
им снятся разные сны
о двух разных стенах
и они так боятся замкнутого пространства

когда-нибудь в прошлом
потерянный мальчик
в седых тюремных архивах
среди черновых набросков
моих полночных безумий

отыщет белые пятна
белые пятна на пальцах
памяти белые пятна
просветы ночных безумий
и ему вдруг покажется
что как ни странно
это все уже будет
с ним
когда-то уснувшим
в неудобной постели
в неудобную зимнюю ночь
такие же стены
и озябшие пальцы
и в просветах безумья
ледяное лицо

20

там кричали странные птицы
анакореты подземного царства
крыльями били зеленые птицы
по бархатистым мерцающим водам
ты шла среди них
осторожно ступая по кочкам
ты несла черно-белое блюдо
осторожно ступая по кочкам
ты сходила с холма
по разливам черного солнца
птицы кричали и падали листья
и во сне я сходил с ума

падали птицы в белое небо
ало как ты изгибалась вода
лопалось небо и падало солнце
и во сне ты сошла с ума

21

ты говоришь мне свои воспоминания
я говорю тебе свои воспоминания
ты внимаешь моим откровениям
я выслушиваю твои признания
едва подавляя желание
прервать
ударив в лицо молотком
схватить
за нежное тёплое горло
и убивать убивать убивать
сжимая безжалостно пальцы на горле
сжимая беспомощно гаснущий голос
и оставляя на память
в знак понимания
отпечатки пальцев на горле
даря тебе
и даря себе
новые
свежие
воспоминания

1984

Переход границы

Бог

Как сухо во рту у меня, господи милый!
Дай хоть глоточек слюны, капельку влаги!
Страшно слову в Сахаре сгнуться,
больно в бархане языком ворочать.
Разве желаешь ты гибели этих звуков,
к тебе обращенных всегда, о чем бы ни пелось?

Даже волки счастливей меня, воя.
В полях, чащобах, морях и ласковом небе
все, что живет, знаком жизни имеет голос.
Даже обычно безмолвные, тяжкие камни,
срываясь с высоких гор, подобие песни
рождают, дробясь друг о друга и землю.

Я же, имеющий речь и бессмертную душу,
косноязычьем терзаем, гибну ежеминутно.
Избавь, умоляю, меня от болтовни ненужной,
от помыслов суетливых и желаний напрасных.
Ибо видеть хочу яснее, чем сухие полые вещи,
но близорук мой слух, и печально сердце.

В сей пустыне свет ослепляет, и небо
падает на меня неумолимым камнем.
Неужто правда твоя - в неоставленье следа?
Неужто голос твой - в пенье песков пустыни?
Значит, мы зря вопрошали о смерти,
крича от боли, в ней суть полагая жизни,
если песок - всего лишь поверхность моря,
если слово - лишь путь к молчанию.

II. Пильщикову

Мы вступили в лес, где полно зверей.
Ибо нам невмочь на замке дверей
и мохнатых труб полоумный вид.
Кто стоял столбом, тот лежит убит
или пьет мочу поднебесных ласк
в ледяном раю, не смотря в указ
где, не глядя на совокупность лет,
нам сказали, что никого там нет.

Слышишь, друг, как звенит в ушах?
Переплюнуть стог, пересилить страх
захотел богатырь. Получился шиш
с маргарином, друг. Этот звон услышь,
чтобы стать смелей перед входом в ночь,

чтоб понять тщету убеганий прочь.
Ведь узнать судьбу может только тот,
кто поймет слова языка, что бьет.

Мы хотели жить и любить цветы,
мы хотели пить из ключа мечты,
мы хотели знать, почему закат
завершает день, и по ком звонят
в небесах. И вот мы бежали из
городов и сел, не спросивши виз.
Мы хотели мир принести, сперва
для глухих вещей подобрав слова.

Но в лесу теперь дровосека стук
типиной зовут. Недосуг на сук
им повесить крик, да и голос сел,
видно мало рот бутербродов съел.
Прокричи "ау", а в ответ тебе
кто-то скажет "хуй" или просто "бе".
Так помолимся, друже, в последний раз.
Видишь - они окружили нас.

Ты видишь ближних, слышишь запах жизни.
Отверстия весны открыты.
В глубинном небе солнечные брызги,

и пена нежная, и белоснежные корабли
твой взгляд крадут, и различаешь
уже едва ли черты земли.
Зрачки и поры солевым раствором,
как новорожденного, моют, чтоб дышал и жил.

Под кожей, затвердевшей от ожогов,
взрываются прозрачные огни.
Дышать, играть, молиться богу -
в шизовых бликах - Нищий Царь Всея Земли!
Живи, играй, покуда новое так сине
и птицы черные клюют червей.
Золото, медь, отчизна, чужбина -
пребудут с вами до скончания ваших дней.

Спеши всегда туда, где слышен голос,
что воск и вату обличает в лицах.
Любовь и сила - воздух и солома.
Стань голубем, чтоб в зыбких лужах отразиться.
И - выше - через грохот крыши к небу.
И - вспять - к опять далеким берегам.
Ты был рожденным, в коже - не был?
Тебе ль завидовать теперь неведомым богам?

За границей

1

Сегодня снова деревья навзрыд
в смертных камерах ссохшихся улиц
до крови обнажены

На ратуше время на год назад
на ломких ветках лопнуло время
в капельки нелюбви

То что не ведаешь где болит
кости сросшейся с плоскостью мозга
воздухом не залить

Поскольку дороги ведут на свет
главная площадь звучит о смерти
судебные города

Возможно ни сверху ни спереди нет
жидкость текущую в венах слова
сегодня и никогда

Слеза рассеченная волос насквозь
в серых стеклах тонущей влаги
дрождью психозом ты

Но только когда исчезает мир
в холодном пламени дышит сердце
неважно где не найти

2

Because I do not hope

T.S. Eliot

Я знаю, что вернуться невозможно.
Поскольку, выйдя из дому, вдруг видишь
как бьются шарики в потеках краски,
прозрачностью бесцельной и безводной
клубятся снизу, затмевая свет.

Возможно, исцеление возможно,
но ты же знаешь, я не верю в чудо.
Держи покрепче посох свой и следуй
с достоинством, безумия достойным,
туда, куда слепой ведет слепца.

Смотри всегда туда, где ярки краски,
где кровь пульсирует в пределах марша,
где голос ног, и нежное касанье
на части рвет любую вещь, где память
подобна свету, где клубится тьма.

Ноги идут куда не глядят глаза -
за море соленое горькое, за
грань горизонта людских отар,
за грань пониманья, сквозь банный пар,
где выстрел вслепую находит цель,
не важно, кровь запеклась или ель
тычется в небо, иглою тьма,
значит уже не сойти с ума
то есть с пути на котором след
полон воды, за немного лет,
только к рампе еще шагни,
ты видишь, какие большие огни
смотрят в лицо, и еще больней
песен гибнущих лебедей
закрывший лицо газетой старик
в один бесконечный миг.

1986

Пленэр

1

Апрельский день. Светило над
домами пятится назад
к земле, на запад, наугад

как баснословный рак. И небо
полно не сеющими хлеба,
не выющими гнезда. "И мне бы

так," - мыслишь. Но, увы, не так
устроен свет, как некий Мак
свистел среди соплей и как.

2

Весной гораздо резче тени
между реальностью и ленью
и тем, что славный деда Ленин

Имел в виду, когда писал,
когда Пикассо рисовал,
а Дионисий воскресал,

и ликовал народ в восторге,
оставив ссоры, войны, торги,
и все опустевали морги.

3

Весна по сути есть ответ
на "что есть тьма" и "что есть свет".
Все вещи обретают цвет

и блеск. И ослепляя очи
машины мчатся дни и ночи,
рыдает кот, кукует кочет,

культура ширится кругом,
и первый сексуальный гром
грохочет в небе голубом.

4

Текут сосульки, пухнут почки,
в столовой тухлые биточки
и смех. Оттаивает почва

для новых всходов. Все Творца,
что лепит вещи из сырца,
поет, и бьются в такт сердца.

И вторит им могильщик хилый:

"Нам весны сберегают силы -
сподручнее копать могилы.

5

Весною солнце ест сугроб.
Фиалка сохнет и укроп.
Ложится в гроб и хип и поп.

Друзья! Замечено не ложно:
бежать могилы невозможно.
Так будем жить, доколе можно,

и, радуясь, играть с огнем.
А там, за гробом, как умрем,
глядишь, в гербарий попадем".

6

На фоне стен и труб фабричных
так много женщин истеричных,
мужчин приличных и публичных,

казенных дач и личных дел,
любителей бифштексов, тел,
словесности... Коль есть предел

многообразью этой флоры,
неведом он. Людские взоры
весьма зрят узкие просторы.

7

Вот зритель пялится в ТВ.
Там объясняются в любви,
считая трупы: раз-два-три...

Дурное следствие прогресса
(об этом пишет наша пресса):
не стало в людях интереса,

все копят страсти на потом.
Скрестив икону с топором
добро пожаловать в дурдом.

8

Горит огнем библиотека.
Печальные приметы века:
машина жучит человека,

и человека человек.
Тысячелетий быстрый бег
безлик и жуток: бык дней пег -

как солнце над Александрией,
как сердца пепел в Dies Irae,
как плитка кафеля в сортире.

1988

Детские воспоминания Пети П.

1

когда мне было лет восемь
я услышал на улице слово пизда
хотел спросить у родителей
что оно означает
(мы сидели на кухне и ужинали
с потолка свисала голая лампа)
так и не спросил
почему?

2

я люблю делать домики из жидкой грязи
забираться на деревья
играть с пацанами в ножички
отрывать мухам ножки
и поджигать мусор на свалке
еще люблю ездить с папой в трамвае
смотришь в окно так здорово
мотор тарахтит

3

самое приятное воспоминание
как я сидел на первой парте
смотрел на новенькую учительницу
и незаметно мастурбировал под партой

как вдохновенно говорила она о Достоевском

4

я был отстающим
и света приходила ко мне домой помогать делать уроки
(такая у нее была общественная нагрузка)
я громко читал учебник
а она залезала под стол
расстегивала мне штаны
и сосала член

школу она кончила с золотой медалью

5

старушка падает и панталоны мелькают
это мы с ребятами натянули веревочку

6

соседка тетя лнда
сказала родителям
что я всегда ссу мимо унитаза
(как ни зайдешь всегда лужа!)
меня выдрали
потом оказалось что текла труба
которая соединяет унитаз и бачок

7

у меня была игрушка - кот в сапогах
был еще велосипед
коту я отломал ноги
а велосипед вскоре украли

1988

Театр и песок

Душа обеспокоена пропажей
какой-то вещи. Все идет как прежде,
но сердце беспокойно, и душа
тоскует. Некогда живые
глаза подсолнухов покрыты пеплом.

Ученый спор, цветение акаций,
мы долго плакали и наконец уснули,
на кухне у окна пустует стул.
Часы. Тревога. Телевизор.
Как называли эту вещь не помню.

Когда-нибудь придет и твой черед
смотреть на солнце дымными глазами;
пытаясь вспомнить даты, имена,
подолгу шарить по карманам
и находить там мелочь да песок.

Ручей так плоско льющуюся руку,
Мазутной радугой блистая,
простер в заоблачную скуку,
крестами жидкими играя.

Деревьев черные раскидистые рожи,
корней, стремятся в небо, убегая,
и в луже движется прохожий,
над ними призрачно шагая.

Так средь индустриального навоза
ручей извилисто петляет,
судьбе послушливый, легко меняет позы
и к океану путь свой пролагает.

Когда все у тебя отняли,
забрали последнюю шкурку,
избили, истыкали шилом
и, бросив на свалку, ушли -

ничего у тебя не осталось,
да и разве что-нибудь было? -
и вот, обмазанный калом,
голый, в пустыне стоишь.

Настало лето. Женщина разделась
и голая выходит на балкон.
Внизу привычно улица кипела
и зеленел, шурша ветвями, клен.

Ужасная жара. Бежали тени
и пух летел. Я вышел вслед за ней.
Она согнула спину и колени,
и я теперь совокупаюсь с ней.

Пересекая пустыню, в которой
вперед и назад неразличимы на вид,
с песком в глазах и безоблачным небом,
без происшествий, лишь вверх и вниз
солнце, да выползет вдруг тушкан
или суслик сделает стойку,
свистнет и скроется меж барханов,
в этой пустыне, где речь песка
слышат уши песка да кожа
ящерицы на песке, где любая жизнь
заключается в форму колючки и свиста,
где видеть велосипедиста значит видеть мираж,
пересекая пустыню,

поднимая и опуская ноги,
глядя прямо перед собой,
поднимая и опуская ноги,
верблюд пересекает пустыню.

Как много совершенства в легком жесте,
застывшем как на дереве смола,
в иллюзии движенья (шаг на месте)
и мимике живущего ствола...

Стучит ли мелкий дождь по ржавой жести
иль в луже проплывают облака,
любовники молодые - врозь ли, вместе, -
игра природы (Бога) так тонка!

Не говорите мне, что Мельпомена
нам врет, и спать ложась, свое лицо
снимает с гримом. Что ужасна смена
гримасы на бесплотное яйцо.

Я знаю - правда все, и жизнь бесценна.
Безлика смерть, но торжествует - сцена.

По черным коридорам драмтеатра
бегает покрашенный мальчик.
Плачет, причитает, просит молока -
в пятницу, ровно в четыре часа
мама его отправилась к предкам.
Ты скажешь: наступает время
спросить у негра, погруженного в молчанье,
дрожа, в фонтане отражаясь целый день:
ты кто?
И услышать в ответ: никто.
О ножки прежних лет!
Лихие, безумные годы!
Огни горят, играет симфонический оркестр,
Актеры скачут, статуи стоят.
Никто не помнит о войне, никто не помнит
о маленькой, болезненной Карпинской,
которая - ты помнишь - говорила,
что когда-нибудь мы снова соберемся,
когда-нибудь прекрасным утром...
Из-за кулис движенье драмы
приобретает странный ракурс.
Капли пота на лицах протагонистов,
междоусобная возня статистов,
искаженный помреж, ослепительность рампы,
страшная мысль о повешенном осветителе,
фрукты из папье-маше и недопитый коньяк, -

все это, дробясь осколками ad lib.,
рождает под этими сводами какую-то жизнь-в-жизни:
война не кончена, представление продолжается:
загорается надпись: BLACK OUT!

1988

Holocaust

Белое время

Снова узрит душа
белое время природы.
Сутробы - зыбучие воды -
расступятся перед ней.

В ранних сумерках снежных
последний по счету дом
вспыхнет в пурге окном
и улица оборвется.

Сердце падет в Ничто,
в коем ни поля, ни леса, -
тьма, беснованье бесов,
инцест Неба с Землей.

11 ноября 1990

К своему сердцу

Сердце, глупое сердце, пичужка
беспокойно-скачливая, чем ты
недовольно, скажи, зачем ты
так мечешься в этой клетке, птичка?

Или пищи тебе задаю я мало
и что попало ты уже готова склюнуть,
или горлышко от жажды пересмякло,
водички просит маленький птенчик?

Иль болезнь какая прицепилась, дура,
мучит, не дает тебе покою?
Злобно гнетут тебя всякие трихины,
душат гадкие стафилококки, душкун?

Воробушек мой, чирик, соловейко,
чем биться-убиваться без толку,
спой лучше песенку, как ты умеешь,
радость моя, светик светлый!

Что нам печали, мелкие огорченья,
ведь так немного нам дня осталось!
Скоро хозяйка тряпочку набросит
и ночь вечная для нас наступит.

Или, думаешь, по-другому будет,
и свободы час настанет желанный,
распахнется клетка и впорхнешь ты
в вечность, в синее небо, сердечко?

декабрь 1989

Прыжок в землю

Пръе

Душа моя как шар воздушный
душой уходит в небеса,
и невесомо и воздушно
колышется воздушный шар.

И дерево стоит как камень,
и дышит пламенем, дрожа,
на нас взирая равнодушно
как мы проходим не спеша.

А шар летит, летит как камень,
и отворяются уста:
ведь воздух духу не помеха
и не преграда пустота.

Мы ноги в землю опускаем
и в землю падая глядим,
и, выдох в небо отпуская,
мы в небо воздухом летим.

октябрь 1992

Нисхождение

Вяч. Попову

Из космоса, где в вакууме светила
висят, несясь в пространствах мировых -
пеон царям из уст глухо-немых
незримым, где лишь ритм и мелос - сила,

спустились мы, мой друг, на Землю, в зиму,
насквозь пройдя завесу облаков,
и, очутившись в лучшем из веков,
в чужой стране, как в хаосе родимом,

невыразимое поем, о хоре
светил согласных память истребя,
и снова слышим лишь самих себя,
на корточках в пустынном коридоре.

День ангела

Сонет

Для тех, кто лишь в погибель в жизни верит,
Подобна явь обманчивому сну;
Их ловит тьма на звездную блесну
В морях, чью глубь сознание не измерит.

Где низ для них, где верх, где зад, где перед?
Смешалось все, и слово рвет десну.
Здесь образ слух родит, и дрожь - весну;
Бескрайний дух запрет и меру херит.

Как светел мир, коль темной зришь угрозы
Подъятый серп! Как сладок запах розы,
Что прахом стать обречена! Лови

Блаженства миг, разнообразя позы.
Ведь смерти нет, раз есть метаморфозы.
Мы в вечности - сгорая от любви.

29 ноября 1989

Holocaust

1

Во мраке вдруг возник огонь.

Во мраке ночи вдруг возник огонь -
рвущееся сумасшедшее пламя,
живущее на ветру, как бездомный.

Циферблат показывал полночь.

Шатался ум безумный, поыхал,
как над индустриальным
городским смогом заря,

как тело с воспалением легких.

Метались тени, взметались искры.
Сквозили тела неизвестных
Сквозь паутину древесных душ.

Голую показывал полночь.

Слепо спешили они, хрипя,
задыхаясь, не опоздать на поезд,
петляя. Вспыхнули тополя.

Аллея вела к вокзалу.

Люди смертны, ибо они несчастны.

В ночи подошел человек и просит огня.
Я вскричал: на колени, несчастный!
Как ты смеешь смеяться, когда мир пылает?

Плачь, несчастный, целуя землю.

Он ударил меня. Я упал на землю.
Он пинал меня, желая унижить.
Разбежался и прыгнул на мое лицо.

Матери наши, деревья, живьем горят.

Я хотел сказать ему: "брат!"
Я выплюнул зубы, встав на карачки, и улыбнулся.
И в страхе он бежал от меня.

Та, Кто Может Спасти Нас, дала мне слово.

Ноги свои волооча, я полз, оставляя след.
Но не было никого, чтобы слышать.
Буквы, алея в небе, возвещали: "вокзал".

Как вы несчастны, смертные, как несчастны!

Кто вышил мои глаза, кто съел мое сердце?

В дома вторгаются мертвые,
взламывая головами паркет.
Сожженные заживо, лезут в спальни.

Та, Кто Может Спасти Нас, прости нам!

Замирая от наслаждения, урча,
лизет пламя тела сплетенных
в объятья страсти любовников.

Все, что живет и дышит, станет жаром и дымом.

Обожженные, голые, крича,
выбрасываются, стеклом изрезанные,
из окон и разбиваются о мостовую.

Треща и чернея, сжимается в позу боксера мозг.

Город и поле - сплошной пожар.
Огонь пожрал пространство и время.
Нет ни времени, ни пространства.

Убийцы убившего смерть мертвы.

ноябрь 1989

Новогоднее

Возлюбленным друзьям

Вот и настал для нас последний года час.
И в миг нуля, в зияньи черной вечности
Со звоном хрупким чаши наши сдвинутся,
Уста, желанья благ в одно смешаются
И стрелка часовая дальше двинется.

Ты говоришь: предлог астрономический,
Пустой обряд, условность социальная
Весь этот праздник; ничего нет нового;
И звук речей, и пир гастрономический -
Забиться повод, помечтать о будущем
И ускользнуть от скуки настоящего.
Как смех - всего лишь знак, изнанка ужаса,
Так и в пустыне белой не отыщешь вех.

Но слышим мы другого звуки голоса:
Не жизнь, но смерть к безмолвию относится.
Ведь все же есть цвета на свете разные
И многоцветно мира единение.
Вино, огни и музыки игранье
Есть только образ блеска мироздания.
Никто не видел Бога-небожителя,
Возлюбим же друг друга, мои милые,
Здесь, ночью смертною под небом пасмурным
И воссияем солнцем средь знымы земной!

Все пьют, смеясь. И третий голос слышится:
Лишь формы света люди все единого.
Но мы возводим стены, укрепления
Из гнева, страсти, страха и незнания
И пугами привычек душу пугаем,
И вот уж тело смерти затмевает свет.
Теперь не достучишься, не докличешься.
Немые, мы живем при жизни мертвые,
Глухие, зрим бессмысленно движение уст,
Слепые, осязаем лишь поверхности,
Опоры ищем в том, в чем нет реальности,
Страшимся призраков и им же подчиняемся,
Поодиночке гибнем, задыхаемся.
Великий Боже, что внутри нас, истинный!
Ты радость, мудрость, ты любовь, блаженство ты!
О, просвети нас светом лунным, солнечным,
Нас научи глаза держать открытыми
И видеть вечный свет Одной реальности
И наслаждаться двойственными играми!
Рябины гроздь на заре как кровь горят,
И мы идем в пустых прозрачных улицах,
Сквозь память, что течет в артериях времени,
И чувствуем, как жизни ток пульсирует,
И воздух утренний горчит, как ягода.

31 декабря 1989

Полуфабрикат

Декадентская поэма в трех актах

Посвящается Кэт

I

Душа так жаждет красоты,
что обретает только пепел красоты.
Агломерации больной пустые руки
роняют воздух в тень креста.
И все ж изменчивое нечто неизменно
Течет река, и мостовые,
к утру пустые, созерцают облака.

В своем уме, без мыслей, без вещей,
пройдя насквозь вокзал потусторонний,
в пространство Невского ты падаешь случайно,
как в сон чужой немая чайка.

Душа так жаждет красоты,
что получает только пепел.
Деревья шелестят на фоне стен желтушных,
блистает золотом игла Адмиралтейства,
портал отлично завершает свалка,
в проеме арки возникает мент.

Я снова здесь. Я вновь увидел небо,
почти бесцветное, немислимое небо,
чугунные ограды, рябь канала,
сквозь дыры памяти божественную Вас...
Здесь кавалеры с дамами гуляли
и на мосту телега проезжала,
здесь просвещенна в муках мысль рожала
прекрасный мир, когда в года глухие
не открывают, рот закрывши, глаз.

Начнем же, братие. Прекрасный Парфенон!
пою твой мир, в котором дрянь прекрасна,
где в подворотнях голубиной ласки
сплетают хор паршивые коты,
где, раз поднявшись на дыбы,
застыли кони, как октябрьские лужи,
где ты порою сам себе не нужен,
где сухо в дождь, и не найти травы.

Душа так жаждет. Что же, выпьем кофе.
Здесь сумрачно, уютно и тепло.
Снаружи льется дождь неторопливо.
Полузнакомые сайгоновские спины
приветствуют тебя, хайратый Цезарь.
Пью маленький двойной неторопливо.
Я снова здесь. Куда потом - неважно.

Вперед, душа, сквозь электрическую тьму!

Ты знаешь странность городских окраин,
где чебуречная как ива на ветру,
где нагота фабричных стен сетчатку ранит,
и где на путь двоящийся трамваев
любовники вступают поутру.

А во дворах трепещется белье,
и в баке мусорном старуха копошится,
и кто-то с неразборчивым лицом
всегда идет беззвучно за тобой.

Течет проспект, и площадь пузырится.

И зрители переживают мнимость
сильнее, чем реальность жизни,
и зал переживает всех.

Круги по Питеру, кривая прямота.
Экран, пульсируя, пересекает точка.
Тьма расщепляется на голоса.

Вы правы, мэм, прекрасная погода.
Прекрасная, да-да, и день прекрасный,
и дождь, и мост мучительно прекрасный,
еще один прекрасный на исходе,
еще один, да-да, конечно правы.

Прекрасны освещенные витрины.
Не важно, что забыто Ваше имя.
О как многообразны формы рая
и в этажах, и в улицах, и в парках!

Как хорошо в извилинах ненастных,
блуждая в отблесках реклам и светофоров,
все принимать в спокойном узнавание,
все узнавать в спокойствии знакомом.

Как хорошо... Тогда, теперь, прекрасно...
Ты снова здесь, ты здесь, ты снова...

Мысль ускользает. Путаясь, скользя и запинаясь,
я пробую продолжить. Что пытаюсь
представить я? Безмолвствует молчанье.
Лишь водный плеск, блистая, нарастает.
И крысы скользкие бросаются и тонут.
И рукоплещет обезличенная память.

У мусорного бака кто-то шевельнулся.
В окне на третьем этаже мигает резкий свет.
И ты вдруг понимаешь, что вернулся.
Они зовут. Они ведут по кругу.
Теряю нить и мозг пронзает голод.
Иди в Гастрит, дружок, еще там можно
похавать со стола объедков.

Агломерацию бьет дрожь и тремор.

И чайка падает, крича, взлетая в небо.
И чей-то голос ровно произносит:
ты снова в тупике, дружок.

II

День длится так стремительно, что думать
о чем-то, кроме жизни, невозможно.
Я видел Вас. Теперь смотрю на вещи
обычные, как этот ветер, солнце.

Ты улыбаешься, на парашюте сидя.
Сегодня шел по улице и странно
мне было видеть старую походку
в проспекта тягостной толпе прохожих,
и непохожих друг на друга,
и равно чуждых. Устремляя очи
поверх голов, я вижу то, что вижу.

Деревья шелестят на фоне стен желтушных
и матери с детьми вдыхают воздух,
и со стрелой меж лопаток важно
гуляет голубь, кашляют старушки,
и пальцы из гитары извлекают
психоделические сладостные звуки,

сквозь жизнь теней, представленную в лицах,
маюскулы мерцают со стены.

И ветер сеет пепел на песок,
газетными шурша клочками,
вздымая юбки выше головы,-
младенец, строящий из кубиков миры,
Меджнун, играющий в пустыне с пылью.

Философ-гегельянец-педераст
стоит за логику и нежно гладит кошку,
Искусство, - говорит он, - легкий путь,
но вряд ли он приводит к Абсолюту:
искусство - тень, а логика - предмет.

Вот мальчик, одержимый абсолютом.
на шее крест, штаны и руки в дырках.
Абстрактное искусство сей эпохи,
картинка с выставки, что запретили власти.
На трех торчит прекрасное дитя
природы и морщинистой культуры,
одно среди раскидистых теней,
в лесу идей, оглядываясь мимо
тебя, цитирует Ауробиндо.

Сияет свет сквозь дымную листву
и дым плывет, плывет над головами,

и в бессловесных демокритовых мирах
грохочет криво по Стремянной трэм.

А вот герла, закованная в цепи,
как некое подобие свободы,
с громадным ртом и тощими грудями,
с пустыми неподвижными глазами,
смеется, обнажая зубы,
давая сигаретой затянуться.

Все проходящее есть только средство вруба.

Заходит солнце. В небе выются птицы.
Шумят деревья. Трубы заводские
дымят. В вокзалах ожидают,
и циркулируют, и спят на чемоданах.
И человек пьет пиво. И с лопатой
выходит дворник. В окнах вместо стекол
живой пульсирует полиэтилен.

Душа моя, заросшая крапивой,
как ты прекрасна и непроходима!
Кресты наперекос, твои деревья
уходят в небо черными корнями,
жужжит комар, и спелая малина
жиреет, наливаясь Вашей кровью.

Нарви, нарви букет своей любимой!
Кричи и плачь, любовь неповторима.
Проходит жизнь, и остается только имя
и память пальцев, пахнувших полынью.

Толчками бьется сердце, и земля
вибрирует, и грохот нарастает,
и долго повторяясь, как слова,
мир рушится, и разрывая сердце,
сейчас и здесь, безудержно и вечно
несется из тоннеля на тебя
поток святого и беспримесного света.

Твои глаза приближены так близко,
что смерти нет. Вернуться невозможно.
По коридорам коммунального Эдема
уж не пройти сквозь тусклый шаткий свет.
Есть только свет. Все прочее случайно.

Но как прекрасно поиграть в слепого
и сообщить, морщинистый во тьме нащупав хобот:
судьба судила, дескать, разлучиться.

И все забыть: божественное море
и звездный мир в безмолвии июля,
как, мудром целомудренно сверкая,
готовил кашу на стоворчивом огне,
как наслаждались торною травой

прекрасные, блистающие боги
и, голые под сенью кипариса,
сплетались пеной мировой волны.

Я перекатывался волнами, и пеной
крошилось тело в бурунах эмоций,
и все же море остается целым,
с пузырьчатым огнем во влажном теле,
и, рвясь на части скалами и ветром,
ты понял ясно: волн не существует.

Бьют крыльями деревья за окном.

И на Марата в сумрачных парадных
по круту дым вдувают в круглый рот.
И каменные лезут вверх ступени.
И пальцы из гитары извлекают.

И, взвизгнув, мысль идет на слом.

III

Я помню дерево. Я на него смотрел
глазами. Я не знал его названья.
В глазах, как в зеркале, застыло отраженье.
Я видел каждый лист, его прожилки,
роскошную живую крону

и ствол морщинистый и крепкий.
Остановилась улица. Казалось небо
картинкою из детского журнала.
Я на скамье сидел под этим небом.
Дул ветер. Листья шевелились.
И ветви шевелились тоже.

Старик с морщинистым лицом пересекает площадь.
Он опирается на палку, дует ветер.
Надсадный кашель и трамвай, желтея,
показывает медленно свой бок.
Старик бежит, придерживая шляпу.
Мешок подержанных костей, слезится зренью.
Пространность черно-белых новостроек.
Пустой проспект. Величественна урна.
Вот он в трамвае. Достает платок.

Дитя мое, оставленный ребенок,
я глажу волосы, неважно, что случилось.
Ты мой, ты мой единственный, любимый.
Не плачь, все хорошо, ведь я с тобой.

Под землю уходя неторопливо,
в толпе гетерогенных анонимов,
все более опускаясь, меж огней
периодических и тусклых,
легко дышать и плакать веселей,
разглядывая собственный ботинок,

когда невнятный все яснее хор,
соборности плотнее паутина.

Меж молний двух собратья-пузыри
одной волны мы мыслящая пена,
одних очей зиянье в зеркалах -
младенец сморщенный, сияющая дева,
прекрасный эфиоп с громадным членом,
смех многоликий и безликий страх,
менты, отцы, мещане, туняядцы,
любовники, спешащие обняться,
со ртом в помаде и газетами в глазах.

В Метрополе мы счастливо живем,
в вагоне мчащемся, на сквозняке продольном,
в сем вертограде судеб монопольном,
читаем надписи и пряники жуем.

На красный свет пересекая путь
негнуцимся, косными ногами,
ты видишь, как внезапно возникает
из-за угла стремительный автобус.
И тело к парашюту отлетает,
и катится венок, гремя цветами
железными, и взор остановился.
Распалась связь в структуре организма
и красное струится изо рта.

Выхаркивая горечь из гортани
при свете умирающего дня,
сквозь белый пух, как чайка на закате,
раскинув руки, по полю бежать
и, как судьбу, случайную подругу
ласкать во тьме под завыванье в трубах,
и спать на кузне у помойного ведра.

Паршивый волосатик! Что, скотина?
Что ты сказал? Скачи сюда, ублюдок.
Все из карманов вон! Ты что, не слышал?
Посмотрим... Спички, сигареты, мелочь...
Ну, раздевайся. Да. И плавки тоже.
Так. Дырок нет. Смотри-ка, резал вены,
сопляк. Потом еще небось
лежал в больнице, место занимал.
Будь моя воля, я б таких
расстреливал на месте. А какой
в них прок? Какой? Кому он нужен?

Нас бьют в лицо, в живот,
нас ставят на колени.
Нас с детства приучили к послушанью.
Мы улыбаемся, выплевывая зубы.
Конечно. Да. Вы правы. Правы все.

Течет, волнуясь, человеческое мясо,
горят и плавятся огни на перекрестках,

и небо в металлической известке
в венозную забилося паутину.

А ты бежишь дворами проходными
в извилинах чужого подсознания,
все уходя, бесцельно возвращаясь,
блуждающий дрожащий импульс.

Невеста вечная моя, вся в белом,
лежит в гробу, и я иду за гробом
под ярким небом. Светит солнце. Тени
длиннее и отчетливей живых
вещей и мыслей. Утренние листья в пятнах
прекрасного, божественного света.
И образ твой, усыпанный цветами,
весь в пятнах. Вьется паутина.
Сверкают стекла. Музыка играет.
Любовник твой, идущий за тобою,
вдруг раздражается неудержимой рвотой.

Все в трещинах. Засвеченная пленка.
Жить больше незачем. Мелькают в кадре
царапины, кресты, крути...

Вы тихо говорите, улыбаясь:
Пустое. Все пустое. Пустяки.

Октябрь 1986 - февраль 1989
Ленинград – Тарту

Гомункулус и кукла

И. В. Розенфельду

Гомункул куклу полюбил
И к ней его влекло.
За ней он пристально следил
Сквозь толстое стекло.

О как мучительно тесна
Прозрачная тюрьма!
А за окном весна, весна
И черных туч сурьма.

Их ветер гонит в небесах
И ветки шевелит.
А кукла, будто на часах,
Бесчувственно стоит.

Она стояла у стены
Недвижна, как в гробу,
С глазами, ясными как сны,
И завиток на лбу.

Гомункул, страстию сражен,
Уже не хочет быть.

Ведь безразличен кукле он,
И колбу не разбить.

Но как-то раз, в рассветный час
На куклу он глядел
И вдруг - сей миг его потряс -
Ответный взгляд узрел.

Бессильны здесь слова, слова
И шумных од нытье -
Вдруг повернулась голова
На шее у нее!

Сомнений нет, сомнений нет!
Скорей - смотри, смотри -
Как очи вспыхнули ее
В ответ лучам зари!

Но в этот миг, но в этот час
Хозяин входит в зал.
Как жуток блеск безумных глаз
И черепа оскал!

Достал он ключик золотой
И кукле грудь открыл.
И вынул сердце он у той,
Кого ты так любил.

Затем он руки открутил
С узором милых жил,
Живот и ноги отвинтил
И в чемодан сложил.

И высыпал из головы
(О, бедный завиток!)
Монетки, трубочки, винты
И ленточек моток.

И прочь, сжимая чемодан,
Он вышел тяжело.
(О, как Гомункулус кричал,
Вдавлив лицо в стекло!)

Когда ж пришел хозяин вновь
Задать привычный корм,
Нашел он в колбе только кровь,
Да мутной слизи ком.

13 Марта 1994